

М. Ф. Румянцева

НАРРАТИВНАЯ ЛОГИКА ИСТОРИОПИСАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ

В статье предпринимается попытка рассмотреть предысторию проблематизации нарратива в историческом познании. Исследуются трансформации нарратива в ситуациях постмодерна и постпостмодерна. Проблема нарратива анализируется в соотношении с типами рациональности / моделями науки и в связи с разрывом исторической науки и социально ориентированного историописания. Раскрываются возможности источниковедческого подхода к анализу нарратива. Структурный источниковедческий метод предлагается как оппонированный нарративной логике в историческом познании.

Ключевые слова: *история исторического знания, нарратив, нарративная логика, феноменологическая концепция источниковедения, постнеклассическая модель науки, неоклассическая модель науки.*

Проблема нарратива, явно не самая популярная среди российских историков, в последнее время приобретает все большую актуальность, если не сказать злободневность. Это обусловлено двумя взаимосвязанными процессами: переходом от постмодерна к постпостмодерну и соответственно от информационного общества к манипуляционному, что стимулирует процесс ренарративизации после постмодернистского кризиса исторического метанарратива, а также свойственным постпостмодерну разрывом исторической науки и социально ориентированного историописания. Сочетание процессов ренарративизации и отрыва социально ориентированного историописания от исторической науки ведет к противоборству, если не сказать – войне, нарративов. В этой новой ситуации принципиально важно осмыслить / переосмыслить природу исторического нарратива, хотя бы на уровне профессионального сообщества достичь понимания, во-первых, принципиальной неverifiedируемости исторического нарратива, и, во-вторых, жесткой связи нарратива с социально ориентированным историописанием. Вторая группа проблем – найти

ключ к анализу нарратива, а также предложить научную альтернативу нарративной логике историописания.

Цель статьи – проследить, пусть и весьма пунктирно, процесс проблематизации нарратива, его трансформации в последней трети XX – начале XXI в. и предложить вариант решения проблемы метода анализа исторического нарратива, а также альтернативу ему с точки зрения феноменологической концепции источниковедения, восходящей в своих теоретических основаниях к методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского (1863–1919) и разрабатываемой в настоящее время Научно-педагогической школой источниковедения – сайт Источниковедение.ru [16].

Предварительные замечания

Не вдаваясь в дискуссии о понятии нарратив, предложим наиболее простое определение, имеющее для нас рабочий характер: под историческим нарративом мы понимаем хронологически организованный рассказ, объединяющий функцию описания и интерпретации исторических фактов. Здесь важно подчеркнуть именно последнюю составляющую сформулированного нами определения, которая не всегда присутствует (часто отсутствует, по-видимому, подразумеваясь по умолчанию) в определениях нарратива, встречающихся в историографии. В данном случае речь идет об объединении в единый рассказ *верифицированных исторических фактов*, полученных при помощи строгих методов источниковедческого анализа. Тем самым мы отделяем рассматриваемый нами исторический нарратив от исторического романа как художественного произведения, основанного на вымысле, а также, что для нас здесь более важно, – от (псевдо)исторических построений, основанных на фальсификации исторического материала или на недобросовестном обращении с историческими источниками.

Рассмотрим проблему исторического нарратива в нескольких оппозициях, проявившихся отчасти в последней трети XX в. (в ситуации постмодерна) и отчасти в первые полтора десятилетия XXI в. (при переходе от постмодерна к постпостмодерну).

Первая – оппозиция разных типов рациональности / моделей науки: классического – неклассического; постнеклассического – неоклассического. Смену типов рациональности / моделей науки используем в качестве интерпретационной схемы. Эта схема представляется нам весьма продуктивной для рассмотрения самых разнообразных процессов в истории науки, хотя в истории

исторической науки, в отличие от истории других наук, эта схема почти не используется.

Вторая – оппозиция научной истории и социально ориентированного историописания, которая, как мы уже отмечали, в ситуации постпостмодерна приняла характер разрыва.

Третья – оппозиция исторического нарратива и структурной истории, которая может быть в некоторой степени переинтерпретирована как оппозиция исторической памяти и исторической науки.

Таким образом, попытаемся – на уровне гипотезы – выстроить две линии: (1) постнеклассический тип рациональности представлен социально ориентированным историописанием в форме нарратива; (2) неоклассический тип рациональности (становление которого идет параллельно с неклассическим и постнеклассическим) связан с поисками оснований строгой научности исторического знания, концепциями истории как строгой науки (в том числе и в варианте структурной истории) и одновременно со сложностями в презентации такого знания.

Конечно, я вполне сознаю схематичность предложенной конструкции, но мне представляется, что она может иметь эвристическое значение.

Взяв в качестве реперной точки работу Ф. Анкерсмита «Нарративная логика» (1983), в которой он в связи с лингвистическим поворотом ставит проблему нарратива, проблему несводимости исторического рассказа к простой сумме единичных высказываний [2], рассмотрим историю (предысторию) проблематизации нарратива и, сместив ракурс рассмотрения с истории проблематизации на историю нарратива, обозначим его трансформации на протяжении последней трети XX – начала XXI в.

(Пред)проблематизация исторического нарратива

Г. С.-Дж. Болингброк (1678–1751) в «Письмах о пользе и изучении истории» (опубликованы в 1752) провозгласил, пожалуй, самый важный лозунг истории как науки, до сих пор укорененный в умах профессиональных историков: «Защищенный от обмана, я могу смириться с неосведомленностью» [3, с. 49]. Но и он вынужден был излагать историю как рассказ, связывая исторические факты друг с другом.

На мой взгляд, говорить о «первой проблематизации» (или о «предпроблематизации» – не в терминах сути) исторического

нарратива можно уже тогда, когда представителями немецкой философии в 80-х годах XVIII в. был поставлен вопрос: «... коль скоро обо всем, что есть на свете, трактует особая философия и наука, почему бы и не быть такой философии и такой науке, которые трактовали бы то, что прежде всего нас касается, – историю человечества, всю историю человечества в целом [выделено мной – М.Р.]?» [6, с. 8]. И. К. Ф. Шиллер (1759–1805) во вступительной лекции к курсу всеобщей истории в Йенском университете (1789) размышляя о том, как соотносится фактический материал истории, получаемый из исторических источников, число которых с необходимостью ограничено, и целостная картина исторического процесса, каков механизм выстраивания истории из известных историческим фактов, приходит к выводу: «...наша мировая история не могла бы стать чем-либо иным, кроме агрегата отдельных отрывков и не заслуживала бы названия науки, если б ей на помощь не пришла философия. Искусственно соединяя эти отрывки промежуточными звеньями [здесь и далее выделено мной – М.Р.], философия превращает этот агрегат в систему, в разумное и закономерно связанное целое. <...> Чем чаще и чем с большим успехом он [историк с философским складом ума – М.Р.] возобновляет свои попытки связать прошедшее с настоящим, тем больше он будет склонен то, что он рассматривает как причину и следствие, связывать одно с другим как цель и средство. Одно явление за другим начинают ускользать от слепого случая и необусловленной закономерно свободы и в качестве отдельного звена присоединяются к гармонически связанному целому (которое существует, конечно, лишь в его представлении)» [15, с. 609]. Шиллер предвидит неизбежную «объективизацию» (онтологизацию) построений историка: «Скоро ему [историку – М.Р.] становится уже трудно убедить себя, что эта последовательность явлений, которая выглядит в его представлении столь закономерной и разумной, отсутствует в мире действительности <...> В результате он [историк – М.Р.] заимствует эту гармонию из своего внутреннего мира и пересаживает ее вовне, в мир вещей, то есть он привносит разумную цель в мировой процесс, телеологическое начало в историческую науку» [15, с. 609–610]. Таким образом, Шиллер фактически описал не только способ соединения фактов в нарратив, но и механизм «объективизации» нарратива, что было имманентно присуще рациональности классического типа.

При этом Шиллер провидчески предупреждал: «Преждевременное применение такого широкого масштаба легко могло бы соблазнить исторического исследователя на то, чтобы насилловать исторические

факты...» [15, с. 610]. Именно в искажении фактов Бертран Рассел (1872–1970) упрекал Гегеля: «Подобно другим историческим теориям, он [основной тезис философии истории Гегеля – М.Р.] требовал для того, чтобы быть правдоподобным, некоторого искажения фактов и значительного невежества» [12, т. 2, с. 250] Но, конечно же, дело не в «невежестве» Гегеля и даже не в том, что во времена его «Философии истории» (1820-е) накопленный фактический материал истории был недостаточен. Гегель так же, как и Шиллер, утверждал необходимость привнесения в историю философской объединяющей мысли и подчеркивал: «... мы не должны дать обмануть себя историкам-специалистам, потому что они, особенно пользующиеся значительным авторитетом немецкие историки, делают то, в чем они упрекают философов, а именно – допускают априорные вымыслы в истории». И далее: «Даже обыкновенный заурядный историк, который, может быть, думает и утверждает, что он пассивно воспринимает и доверяется лишь данному, и тот не является пассивным в своем мышлении, а привносит свои категории и рассматривает при их посредстве данное» [5, с. 65].

С иной позиции – позиции не философа, но историка – подходил к проблеме И. Г. Дройзен (1808–1884), но вывод его мало чем отличается от утверждений философов. Размышляя как профессиональный историк о критике исторического материала, Дройзен замечает: «Результатом критики является не “подлинный исторический факт”, а то, что материал подготовлен для получения относительно точного и конкретного знания. Добросовестность, не идущая дальше результатов критики, заблуждается, предоставляя дальше работать с ними фантазии, а надобно было бы поискать для дальнейшего исследования правила, которые гарантируют его корректность» [7, с. 474]. Полностью сознавая опасность исторических аналогий, все же не могу удержаться, чтобы не соотнести эти размышления Дройзена с постановкой проблемы Анкерсмитом (спустя практически век и, конечно же, в другом социокультурном контексте и на иных парадигмальных основаниях): исследование не заканчивается, а практически только начинается с установления факта, необходима рефлексия по поводу включения фактов в общую картину истории. Примечательно, что далее Дройзен разрабатывает правила *интерпретации*, которые очевидным образом относит к сфере исторического построения.

Г. Риккерт (1863–1936) подвел своеобразную черту под нарративной историей XIX века. Обращаясь к методологическим

размышлениям Г. Риккерта, важно иметь в виду, что методология истории, по преимуществу, рефлексивна, а не нормативна, то есть методолог не разрабатывает «новый» метод исследования и предлагает его «практикующему историку», а проводит деконструкцию уже имеющихся историографических произведений. Г. Риккерт, рассуждая о природе исторического знания, анализирует труды историков преимущественно XIX века и сосредотачивает внимание на идиографическом характере исторического знания и его аксиологических основаниях [13]. Но, по сути, и в этих размышлениях исторический факт выступает как своего рода «атом» / неделимая частица исторического повествования. В историографии XIX в. исторический факт получен путем так называемой критики исторического источника и именно он, выступая в качестве инварианта, подлежит встраиванию в нарратив.

Новое обращение к проблеме исторического факта как единичного высказывания о прошлом происходит уже в середине XX в., в связи с аналитической философией и лингвистическим поворотом.

Кризис исторического нарратива и его трансформация в последней трети XX – начала XXI в.

Можно предположить, что кризис доверия к историческому метарассказу, который Ж.-Ф. Лиотар зафиксировал в своей работе 1979 г., был обусловлен не только социокультурными причинами – ситуацией постмодерна, но и теоретико-познавательными – деконструкцией нарратива и обоснованием его принципиальной неверифицируемости.

Уже в работе 1971 г. П. Вен замечает: «Невозможно описать все целиком, и любое описание выборочно; историк никогда не составляет карту события, самое большее, что он может, – это добавлять все новые маршруты, которые по ней пролегают» [4, с. 45]. И делает вывод о том, что утверждение «...о субъективности всякой историографии верно в буквальном смысле: выбор исторического сюжета является свободным, и все сюжеты имеют равную ценность [здесь и далее выделено мной – М.Р.]; <...> события (прицепленные к какому-то “научному” локомотиву истории) не движутся по четко намеченному пути. Маршрут, по которому проходит описание событийного поля, выбирается историком свободно, и все маршруты одинаково законны (хотя и не одинаково интересны)» [4, с. 47].

Строго говоря, в последнем утверждении не было особой новации: уже Дройзен писал: «Повествовательное изложение [выделено

автором – М.Р.] подает исследованное как ход событий, как мимесис его становления; оно формирует из исследованного материала картину генезиса того, на что направлено исследование. Мнение, будто здесь говорят только исключительно “объективно” сами “факты” иллюзорно. Факты были бы немы без рассказчика, который заставляет их говорить. Не в “объективности” заключена репутация историка...» [7, с. 496]. Но в рамках классической модели науки проблематизация нарратива произойти не могла, классическая историческая наука нацелена на описание так называемой объективной реальности.

Исследование природы нарратива, приведшее историков к практически однозначному выводу о его неверифицируемости, наложившееся на кризис доверия к историческому метарассказу в ситуации постмодерна, парадоксальным образом заставило часть историков отказать нарративу в познавательной ценности. Анализируя возможные варианты ответа на вопрос о познавательной ценности нарратива, А. Мегилл в работе 2007 г. констатирует: «Ответ “нет”, с его скептическим отношением к красивым иллюзиям нарратива, является ответом более прозаическим <...> Не случайно до сих пор для большинства историков это был наиболее убедительный ответ» [10, с. 172].

И действительно, если подходить к нарративу с точки зрения классической науки, в которой истинность означает соответствие объективной, то есть внеположенной историку, реальности, то мы вынуждены отказать нарративу в познавательной ценности. Но если мы подойдем к нарративу с точки зрения постнеклассической науки, предполагающей «социальное конструирование реальности», то исследование нарратива открывает для нас колоссальные перспективы именно в исследовании способов конструирования исторического прошлого. Существенный интерес представляет также анализ нарратива с точки зрения социально ориентированного историописания как способа формирования исторической памяти.

Соотнесение нарративной логики историописания с социально ориентированной историей требует отдельного обоснования. Конечно, нельзя утверждать стопроцентную корреляция этих понятий. Но нельзя не согласиться с рядом утверждения Ф. Анкерсмита, который обращает внимание на то, что «нарративные интерпретации применяются [здесь и далее выделено автором – М.Р.] к прошлому, а не соответствуют ему и не указывают на него (как это делают высказывания [и их части]) [1, с. 73]. Далее Ф. Анкерсмит развивает

свою мысль: «Поскольку нарративные интерпретации только применяются, но не указывают <...>, то между ними и прошлым нет никакого фиксированного отношения. Требование, чтобы такая фиксированность имела место, есть результат категориальной ошибки (т.е. от исторического нарратива требуют то, что может быть присуще только высказыванию» [Там же]. В результате исследования проблемы нарратива Ф. Анкерсмит весьма афористично формулирует свой вывод: «Нарративные интерпретации “вырывают вас из исторической реальности” и не “отсылают обратно к ней” (как это делает высказывание)» [Там же].

С другой стороны, со стороны взаимоотношений истории и памяти и их трансформаций при переходе от постмодерна к постпостмодерну, подходит к этой проблеме П. Хаттон и констатирует: «В настоящее время [книга опубликована в 1993 – М.Р.] нам приходится говорить скорее о полезности прошлого, чем о его влиянии на нас...» [14, с. 24]. И далее: «Историки сегодня говорят не столько о пробуждении прошлого, сколько об использовании его» [14, с. 26]. Размышления П. Хаттона относятся к периоду задолго до «войны нарративов», но примечательно, что уже в 1990-е годы он обуславливает изменение соотношения истории и памяти новым типом коммуникации: компьютерные технологии ведут к тому, что резко возрастает число возможных контекстов, в которых интерпретируется историческая информация.

Таким образом, в новой социокультурной, коммуникационной и теоретико-познавательной ситуации нарратив выстраивается не на основе ценностей (в аксиологическом смысле), а на основе прагматически ориентированных оценок, что и выводит нас на социально ориентированное историописание.

Кстати, и один из выводов Ф. Анкерсмита (фундированный в аналитической философии) весьма созвучен наблюдениям П. Хаттона: «Предложения могут быть или не быть полезными и плодотворными, но не могут быть ни истинными, ни ложными, то же самое можно поэтому сказать и относительно исторических нарративов» [1, с. 74].

Проблема нарратива в ракурсе феноменологической концепции источниковедения

О. М. Медушевская (1922–2007) в работе, теоретически оформившей современное состояние феноменологической концепции источниковедения (2008), характеризует актуальную ситуацию как ситуацию противоборства нарративной логики историописания и

истории как строгой науки [11, с. 15–16]. Важно еще раз подчеркнуть, что в основе отмеченной О. М. Медушевой оппозиции лежит расхождение концепции Баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт) и русской его версии (А. И. Введенский, А. С. Лаппо-Данилевский, И. И. Лапшин). Русское неокантианство отличает от баденского интерес к объекту исторического познания – историческому источнику. Как результат, баденское неокантианство осталось в рамках неклассической науки, а неокантианство в его русской версии, обратившись к эмпирическому объекту исторической науки, обнаружило интенцию к трансформации в неоклассическую концепцию исторического познания.

Вернемся к одному из выводов, к которым пришел Ф. Анкерсмит: «Необходимо различать историческое исследование (вопрос фактов) и историческое письмо (вопрос интерпретации)» [1, с. 70]. Из всего выше написанного можно заключить, что я присоединяюсь к этому размышлению Ф. Анкерсмита лишь отчасти: несомненно, нужно различать по их эпистемологической природе процедуру конструирования и верификации исторических фактов и процедуру исторического письма, но, на мой взгляд, некорректно сводить историческое исследование только к вопросу фактов. Достаточно вспомнить, что в те же годы, когда происходил лингвистический поворот в науке, происходит становление структурной истории (вариант социальной истории Вернера Конце). И хотя структурная история также сталкивается с проблемой согласования (несогласованности) структуры и эмпирического материала [см., напр.: 8], но очевидным образом поиск структуры стоит отнести к сфере исторического исследования.

Феноменологическая концепция источниковедения предлагает структурный метод исторического исследования, в основе которого отрефлексированный способ соотнесения эмпирического материала со структурой. В методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского интерпретация, общезначимое научное понимание исторического источника [9, т. 2, с. 65], предшествует критике исторического источника. Развитие метода интерпретации исторического источника Научно-педагогической школой источниковедения (еще в рамках Историко-архивного института) заставило перенести акцент с отдельно взятого исторического источника на вид исторических источников – основную классификационную единицу источниковедения, объединяющую исторические источники по критерию общности социальной

функции, определяемой, в свою очередь, по целеполаганию в культуре (которое может не совпадать с авторским пониманием цели своей работы, поскольку автор может осознавать цель неполностью или некорректно).

Анализ видов исторических источников выводит исследователя на видовую структуру их комплексов, системно презентующих ту или иную культуру. В таком ракурсе источниковедение выступает как вариант структурной истории, способный оппонировать со строго научной позиции нарративной логике историописания.

С другой стороны, видовая методика анализа исторических источников, будучи примененной к историографическим произведениям (которые, являясь результатом творческой деятельности человека – историка, – полностью подпадают под определение исторического источника), позволяет, уточнив целеполагание историографического произведения и определив его видовую принадлежность, научно обоснованно отнести историографическое произведение к группе видов социально ориентированной истории. Практическая польза такого анализа заключается в осознании бесперспективности (а если называть вещи своими именами, то бессмысленности) дискуссии на уровне противоборствующих нарративов и в переходе на метауровень – уровень анализа нарратива как объекта исследования (своего рода позиция «внеаходимости»).

1. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф. Анкерсмит. – М., 2003. – 496 с.
2. Анкерсмит Ф. Нарративная логика: Семантический анализ языка историков / Ф. Анкерсмит. – М., 2003. – 360 с.
3. Болингброк [Г. С.-Дж.] Письма об изучении и пользе истории : пер. с англ. / Болингброк. – М., 1978. – 359 с.
4. Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / П. Вен. – М., 2003. – 393 с.
5. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – СПб., 1993. – 479 с.

6. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества /И. Г. Гердер. – М., 1977. – 703 с.
7. Дройзен И. Г. Историка / И. Г. Дройзен. – СПб., 2004. – 583 с.
8. Кокка Ю. Социальная история между структурной и эмпирической историей / Ю. Кокка // THESIS. – 1993 – Вып. 2. – С. 174–189.
9. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории : в 2 т. / А. С. Лаппо-Данилевский. – М., 2010.
10. Мегилл А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. – М., 2007. – 480 с.
11. Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории / О. М. Медушевская. – М., 2008. – 361 с.
12. Рассел Б. История западной философии : в 2 т. / пер. с англ. / Б. Рассел. – М., 1993.
13. Риккерт Г. Философия истории / Г. Риккерт // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М., 1998. – С. 129–204.
14. Хаттон П. История как искусство памяти / П. Хаттон. – СПб., 2003. – 423 с.
15. Шиллер И. К. Ф. В чем состоит изучение мировой истории и какова цель этого изучения / И. К. Ф. Шиллер // Шиллер И. К. Ф. Собр. соч. : в 8 т. – М.-Л., 1937. – Т. 7 : Исторические работы. – С. 593–612.
16. Источниковедение.ru [Электронный ресурс] : страница Науч.-пед. школы источниковедения / А. А. Бондаренко и др. ; Науч.-пед. школа источниковедения. – Электрон. дан. – [М. : Б. и.], сор 2010–2015. – Режим доступа : <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный.

Румянцева М. Ф. Наративна логіка історіописання з точки зору феноменологічної концепції джерелознавства

У статті робиться спроба розглянути передісторію проблематизації наративу в історичному пізнанні. Досліджуються трансформації наративу в ситуації постмодерну і постпостмодерна. Проблема наративу аналізується у співвідношенні з типами раціональності / моделями науки і у зв'язку з розривом історичної науки та соціально орієнтованого історіописання. Розкриваються можливості джерелознавчого підходу до аналізу наративу. Структурний джерелознавчий метод пропонується як опонуючи наративної логікою в історичному пізнанні.

Ключові слова: історія історичного знання, наратив, наративна логіка, феноменологічна концепція джерелознавства, постнекласична модель науки, неокласична модель науки.

Roumiantseva Marina F. Narrative logic of historical writing from the point of view of the phenomenological concept of source studies

The article attempts to examine the background of the problematization of narrative in historical knowledge. It explores the transformation of narrative in situations of postmodern and postpostmodern. The problem of narrative is analyzed in correlation with the types of rationality / models of science and given the gap between historical science and socially oriented historical writing. The potential of the source studies approach to the analysis of narrative is demonstrated. Structural method of the source studies is proposed as opposed to a narrative logic in historical writing.

Keywords: *the history of historical knowledge, narrative, narrative logic, the phenomenological concept of source studies, the post-non-classical model of science, the neo-classical model of science.*